ДОЛГИЙ ПУТЬ
ОТ МЕЧА
ДО ОРАЛА

Милорад
Экмечич

История сербов в Новое время

(1492–1992)

Милорад Экмечич

История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70557421
М. Экмечич. История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала: Абрикобукс; Москва; 2024
ISBN 978-5-6050493-4-0

Аннотация

Книга известного сербского историка и учёного —академика Милорада Экмечича «Dugo kretanje između klanja i oranja istorija Srbau Novom Veku 1492–1992» («Долгий путь от меча до орала – история сербов в Новое время (1492-1992)» впервые издана на русском языке при поддержке компании «Газпром нефть».

Для работы над важным для развития культурных и исторических связей двух стран проектом были привлечены ведущие российские и сербские лингвисты и переводчики. Научным редактором выступил историк, кандидат наук, балканист Н. В. Бондарев. В отличие от сербского русское издание книги сопровождается дополнительными историческими справками и богатым иллюстративным материалом из музеев и архивов Сербии и России, картами и портретами исторических

деятелей. Обложку русского издания украсил «Белый Ангел», одна из самых известных православных фресок в мире из церкви Вознесения Христова монастыря Милешева, находящейся под охраной ЮНЕСКО.

Содержание

Милорад Экмечич. Биография 6
Предисловие 16
Введение 27
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Милорад Экмечич История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала

Милорад Екмечић

Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992)

© М. Экмечич, 2023
© ПАО «Газпром нефть», 2023
© ООО «Издательство «Абрикос», 2023

* * *

Милорад Экмечич. Биография

Милорад Экмечич родился в герцеговинском селе Пребиловци 4 октября 1928 года. Говоря об истории своей семьи, академик Экмечич отмечал, что его дед и прадед были кметами (зависимыми крестьянами) на землях, принадлежавших бею-мусульманину. Фамилия Экмечич сама по себе может кое-что рассказать об истории рода: «экмекчи» по-турецки значит пекарь, булочник, «экмечик» – небольшой хлебец. По семейному преданию, кто-то из предков Милорада Экмечича занимался этим ремеслом – до того, как после очередного турецкого набега вынужденно обратился к земледелию. Родителей будущего ученого звали Илия и Кристина, мать была уроженкой села Грабовине (около 8 км от Пребиловци).

Отец Милорада Экмечича работал в городе Чаплина в табакозаготовительной фирме, неплохо зарабатывал, смог даже построить дом, где и прошло раннее детство историка, достаточно безоблачное, пока не наступило злосчастное лето 1941 года. В июле взявшие власть в Герцеговине хорватские усташи убили его отца, а 4 августа 1941 года произошла печально известная Пребиловацкая резня, о которой академик Экмечич подробно пишет в разделе этой книги, посвященном Второй мировой войне. До войны в Пребиловци насчитывалось 994 серба, из них были убиты 826 человек. Уце-

лели только люди, которых просто не оказалось в селе, например ушедшие на войну мужчины. В числе убитых – женщины, дети, старики. По словам академика Экмечича, «в те августовские дни в нашем родном селе было убито 78 человек с фамилией Экмечич, все они мои близкие или дальние родственники. Самому юному из них было 4 месяца, самому старому – 78 лет, усташи не щадили никого». Дополнительный ужас этим событиям придает то, что, хотя резню инициировали приехавшие из города усташи во главе с братьями Иваном и Людвигом Йовановичами, в ней активно участвовали и местные жители-хорваты, до этого момента вполне дружественно настроенные по отношению к своим сербским соседям. В 2015 году Сербская православная церковь объявила жертв Пребиловацкой резни святыми мучениками, в соответствующем разделе книги воспроизведена посвященная им фреска из крипты собора Святого Саввы в Белграде.

Милорад Экмечич, 2016 г. Фотография Милана Тимочича для издательства «Печат»

В принципе, книга академика Экмечича, которую читатель держит в руках, могла бы начинаться именно с описания

Пребиловацкой резни. Мы не сильно погрешим против истины, если скажем, что стимулом к написанию книги «История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала» было присущее Милораду Экмечичу стремление к истине, потребность разъяснить читателю, откуда взялась ненависть хорватов к сербам, во время Второй мировой войны принимавшая абсурдные в своей жестокости, выходящие за рамки логики, здравого смысла и психической нормальности формы. Почему резню сербских крестьян благословляли католические священники, а религия стала, по любимому выражению Экмечича, «водоразделом наций». И как вышло, что эти страшные события никого не предостерегли и ничему не научили, а история повторилась в 1990-е годы с минимальными изменениями в «сценарии»… Отметим при этом, что историк не абсолютизирует свою личную трагедию, описание бойни в Пребиловци дается не от первого лица. Вообще же академик Экмечич неоднократно подчеркивал, что преступления против сербов в годы Второй мировой можно простить, но нельзя забывать.

Из Чаплины 15-летнему Милораду Экмечичу пришлось бежать в 1943 году, после того как усташи убили его мать, Кристину. Проведя какое-то время на территории, входившей в итальянскую зону оккупации (историк вспоминает, как итальянцы кормили сербских беженцев полентой), он добрался до родного села, к тому моменту освобожденного титовскими коммунистическими партизанами. Среди пар-

тизан нашлись его уцелевшие родственники, будущий академик стал партизанским связным. В самом конце войны, по достижении 16 лет, ему довелось поучаствовать и в боевых действиях. В 1947 году Милорад Экмечич окончил гимназию в городе Мостар и поступил на исторический факультет Загребского университета. В 1952 году его зачислили ассистентом на отделение истории философского факультета в Университете Сараева. Экмечич работает над диссертацией, посещает архивы Загреба, Белграда, Вены. В 1958 году ученый получил степень доктора наук за диссертацию о восстании в Боснии 1875–1878 годов. Монография по мотивам диссертации выдержала три издания на сербохорватском и была переведена на немецкий язык.

В 1961 году молодой историк получил возможность отправиться в США, в течение года проходил стажировку в Принстонском университете. По воспоминаниям Милорада Экмечича, время, проведенное в Америке, он потратил в основном на ознакомление с французской научной мыслью – сочинениями Фернана Броделя, Люсьена Февра, Марка Блока и других авторов, работы которых не всегда были доступны в Югославии. Именно у французской «Школы анналов» Экмечич перенял восприятие истории как сложносоставного целого, где войны неотделимы от аграрных отношений, политика – от литературы и искусства и даже веяниям моды находится место. В дальнейшем Милорад Экмечич неоднократно возвращался в США, будучи приглашенным про-

фессором Университета штата Мичиган в Энн-Арборе, где находится один из главных центров американской славистики. Здесь уместно отметить, что академик Экмечич свободно владел английским и итальянским языками, читал на русском, французском и немецком. Это сделало для него возможной работу в архивах Москвы, Лондона, Парижа, Вены, Берлина, Турина, Будапешта и Кракова.

В 1968 году Экмечич становится профессором Сараевского университета, читает курсы «Всеобщая история в Новое время» и «Методология исторических исследований». В том же году сорокалетний профессор оказался вовлечен в студенческие волнения, которые весной – летом 1968 года охватили всю Европу, не исключая Югославию. Милорада Экмечича студенты ценили и уважали: в отличие от многих других преподавателей, ему предложили поучаствовать в прениях о ситуации в стране, положении молодежи и университетском самоуправлении. Экмечич поддержал студентов, выступавших против «красной буржуазии», а также покритиковал власти Югославии за то, что они берут займы везде без разбора. «Меня спросили из зала про отношения с США, я ответил, что мы фактически строим коммунизм на американские деньги», – вспоминал академик. Выступление Экмечича под названием «Тезисы для диалога» было напечатано как брошюра тиражом 11 000 экземпляров, она очень быстро распространилась за пределами Сараева. Констатируем, что административной карьеры после 1968 года Ми-

лорад Экмечич не сделал – он продолжал беспрепятственно публиковать статьи и монографии, но не стремился получить под свое начало ни кафедру, ни тем более факультет.

В 1972 году Милорад Экмечич стал одним из авторов «Истории Югославии», вместе с историками Иваном Божичем и Симой Чирковичем, а также биографом Тито Владо Дедиером. Книга должна была излагать историю страны в доступной широкому читателю манере, без излишней наукообразности, но и без упрощенчества. С этой задачей авторы справились, а книга сразу же была переведена на основные мировые языки. В 1978 году Экмечич стал почетным членом Сербской академии наук и искусств (САНУ). В 1980-е годы историк постепенно отходит от критики югославской модели социализма с марксистских позиций и смещается в сторону сербского патриотизма. Итогом этой эволюции стал монументальный двухтомный труд (общим объемом более тысячи страниц) «Создание Югославии (1790–1918)», вышедший в 1989 году. В этой работе Милорад Экмечич впервые высказывает тезис о том, что сербы растворили свою потребность в национальном государстве в югославянской идее, а хорваты не захотели этого сделать. Причем главным столпом хорватской идентичности, противопоставляемой идентичности югославской, стала католическая церковь.

В 1990 году, после того как в Югославии была разрешена деятельность политических партий (до этого существовал только Союз коммунистов), Милорад Экмечич на какое-то

время оказался в гуще политической борьбы. Он стал одним из создателей Сербской демократической партии в Боснии и Герцеговине и должен был войти в коллективное руководство Югославии (Председательство Президиума СФРЮ) как представитель Боснии и Герцеговины. Однако это место смог сохранить старый член Президиума Богич Богичевич. Имя этого человека большинству читателей в России незнакомо, меж тем есть мнение, что именно Богичевич является виновным в кровопролитных югославских войнах начала 1990-х. 12 марта 1991 года Президиум обсуждал предложение Югославской народной армии о введении в стране чрезвычайного положения, голоса членов Президиума разделились поровну, и чрезвычайное положение не было введено, причем решающим стал голос Богичевича, примкнувшего к противникам этой идеи. Сын Милорада Экмечича Илия вспоминал: «Богичевич, очевидно, не дорос до занимаемой им должности, не осознавал важность момента. Если бы членом Президиума был мой отец, события пошли бы по совсем другому пути». Тогда же, в 1991 году, Экмечич впервые встретился со Слободаном Милошевичем, по его воспоминаниям, разговор получился интересный, но лишенный практического смысла: «Милошевич полагал, что я могу повлиять на Радована Караджича, но на самом деле я никакого влияния на него не имел». Десять лет спустя академик Экмечич по просьбе бывшего лидера Сербии и Югославии выступил свидетелем защиты в Гаагском трибунале.

В 1992 году кошмар, пережитый Милорадом Экмечичем в детские годы, казалось навсегда оставшийся в прошлом, возвращается. Власть в Сараеве фактически захватывают бошняцкие (мусульманские) националисты, историка, а также его жену Милену и сына Илию берут в заложники мусульманские боевики из отряда «Зеленые береты», угрожая расправой. Причем держит в плену 65-летнего ученого и его семью печально известный Рамиз (Чело) Делалич, тот самый человек, который 1 марта 1992 года расстрелял сербскую свадьбу в Сараеве, что привело к началу Боснийской войны. Всего семья Экмечич провела сначала в плену, потом под домашним арестом 47 дней. В конце концов академику, его жене и сыну удалось бежать на территорию, контролируемую сербами, а затем в Белград. В сербской столице Милораду Экмечичу пришлось лечь на операцию из-за полученных травм головы.

Дальнейшая жизнь Милорада Экмечича полностью посвящена науке. В 1992 году он становится полноправным членом Сербской академии наук и искусств, а в 2004 году – членом президиума САНУ. В этот период (1992–2015) академик Экмечич каждые два года публикует по книге, если считать переиздания старых работ. Сложно сказать, является ли он самым читаемым сербским историком, но, безусловно, является самым издаваемым. Итогом этого, последнего периода его жизни стала книга «История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала», впервые

опубликованная в 2007 году. В интервью по поводу ее выхода Милорада Экмечича спросили: «Каким вы видите будущее этой книги?» Академик ответил: «Я очень надеюсь, что ученые будущих поколений ее превзойдут и пойдут дальше».

Милорад Экмечич скончался 29 августа 2015 года в возрасте 86 лет, в здравом уме и твердой памяти, окруженный любящей семьей. Похоронен на Новом кладбище Белграда на аллее выдающихся деятелей сербской науки и культуры. В 2019 году, по предложению президента Сербии Александра Вучича, именем академика Экмечича была названа улица в Белграде. А в 2021 году принято решение об издании полного собрания сочинений Экмечича в 15 томах – уникальный проект, подобного которому в Сербии не было последние 40 лет. В ряду инициатив, которые должны сохранить имя и идеи Милорада Экмечича для потомков, стоит и русское издание его последней работы.

Никита Бондарев

Предисловие

Мы с Милорадом Экмечичем дважды были соотечественниками, но так ни разу и не встретились! Первый раз в довоенном Сараеве, а после войны в Боснии и Герцеговине 1990-х годов мы оба оказались в Белграде. Однажды я увидел его в белградском аэропорту Никола Тесла, но, поскольку не особо умею подходить и начинать разговор с известными людьми, даже когда это оправданно, я так и не сделал этого. Надо было, конечно, подойти и поблагодарить за его открытие, что Кардель скопировал свою теорию самоуправления с Муссолини, который после падения Италии в 1943 году провел социальный эксперимент и хотел из фашиста превратиться в самоуправляющегося социалиста. Единственное, что получилось у титовских коммунистов, – это эксперимент, который после смерти маршала превратился в наихудшую версию либерального капитализма.

Когда летом 2012 года Матия Бечкович встретил Экмечича в коридоре Сербской академии наук и искусств, на рутинный вопрос: «Чем занимаешься?» – тот ответил: «Читаю Кустурицу, его книгу “Смерть как непроверенный слух”». Мне было очень приятно. В основном потому, что он читал мою книгу, но еще потому, что историк хотел не только заглянуть в мою душу, но и рассмотреть элементарные частицы общественной жизни Сараева в период с 1967 года и до войны…

Листая книги Экмечича, я понял, что он регулярно читал все, в том числе и художественную литературу, и мотивы из романов были лишь элементами, при помощи которых в его книгах создавалась четкая и цельная историческая картина. Он, подобно хорошему психиатру, читал все, начиная со статистики и заканчивая произведениями Симо Матавуля[1], – все, что можно включить в «исторические мотивы», которые необходимо связать с документами и, таким образом, реконструировать эпоху.

Экмечич часто использовал типичные для разрабатываемого им периода фразы. Например, «процесс строительства нации» (Nation building process) – исторический пароль для Америки после гражданской войны, – Экмечич настаивал на этой теме в книгах, написанных после падения Берлинской стены, в период объединения Восточной и Западной Германии и утраты сербами единого государства. Он внимательно следил за подъемом Китая и уже тогда говорил, что сегодня Китай является тем, чем во времена промышленной революции была Англия, – «мастерской мира» (Workshop of the world).

Экмечич сожалел, что Карагеоргию не удалось завершить Первое сербское восстание, и был уверен, что, если бы этому процессу не помешали, сербское государство было бы при-

[1] Симеон (Симо) Матавуль (1852–1908) – сербский писатель родом из Далмации, автор реалистических зарисовок из далматинской и белградской жизни, исторического романа «Ускок Янко», сатирического антикатолического романа «Баконя фра Брне» (экранизирован в 1951 году). – *Здесь и далее прим. ред.*

ведено в порядок гораздо раньше и все грядущие вызовы и переломные моменты проходили бы менее болезненно. Он открыл нам, что лучше всего искать убийцу Карагеоргия в Англии. Как он указывал на многих примерах, в трагической истории виноваты не только мы, южные славяне, и османские завоеватели, но и Ватикан, англичане, французы, а в новейшую эпоху – и американцы. И конечно, он выступал не с голословными предположениями, а выдвигал тезисы, подкрепленные документами.

Структура его книг близка к структуре романов, в которых рефреном звучат решающие для нашей истории истины. Данные в них приводятся самые разнообразные: от создания Гэллапом технологии проведения опросов, результаты которых, в частности, в 1942 году показали, что 67 % британцев больше симпатизировали СССР, чем США, до кратких описаний исторических личностей: Сталина, Тито, Рузвельта, лидера Герцеговинского восстания Вукаловича. Он делал это в такой манере, что перед нашим взором раскрывались литературные портреты! В заключении своих книг он не оставлял нас без объяснения причин, из которых вытекают последствия, делающие нашу жизнь такой, какая она есть сегодня. Он не выступал против Югославии, но воспринимал ее создание скорее как инициативу западных сил и Ватикана, чем спонтанное выражение желания народов, проживавших на юго-востоке Европы. Она (Югославия), как пишет историк, возникла от движения сверху, а не снизу. Со-

здание Королевства Югославия Экмечич назвал замораживанием идеи сербской государственности.

В своих книгах Милорад Экмечич развивал повторяющиеся исторические мотивы, рефрены, которые мы вместе с ним затвердили как истину: когда на начальных этапах нашей новейшей истории среднего класса еще не существовало, народ принимал свои политические решения на основании образов героического эпоса, выученного наизусть. Ребекка Вест, английская писательница и путешественница, один из тех редких западных интеллектуалов, кто понимал нашу позицию и с симпатией писал о сербах, отмечала, что никакой другой народ не создавал историческую память, заучив наизусть столько длинных строф.

Будучи убежденным интернационалистом, Экмечич сумел с математической точностью провести исследование нашей национальной истории, он пишет о шокирующих вещах. Он первым написал о практике этнических чисток в период владычества Османской империи, а также о том, что Первая сербская революция (восстание) не произошла бы, если бы до этого в Белграде число мусульман и турок не приблизилось к историческому минимуму. Все это предшествовало крупнейшей бойне в нашей истории – массовому убийству сербского мирного населения в Хорватии в 1941 году. Правда о том, что в селе Пребиловци были убиты предки Милорада Экмечича, не повлияла на его научную работу. Он мог создать критическую дистанцию и никогда не впадал в ро-

мантический восторг.

Экмечич умел направить нас к истине в отношении противоречивых идей и идеологий нашей истории. Писал о Герцеговинском восстании, которое стало ключевым событием для развития процесса освобождения от турок, а также о получении для Сербии статуса княжества на Берлинском конгрессе.

Он пережил две главенствовавшие идеологии XX века – коммунизм и монархизм, партизан и четников, Тито и Дражу…

Экмечич не симпатизировал Иосипу Брозу, но, вероятно, поэтому тщательно исследовал его эволюцию до и во время Второй мировой войны с исторической точки зрения. Он писал о Брозе как о человеке необразованном, любившем фотографироваться с книгами в старинных и дорогих переплетах, но не читавшем их. Тем не менее Экмечич признавал безошибочную интуицию лидера югославских коммунистов и хорошее знание им человеческих характеров. Тито знал, как лавировать между Сталиным и Черчиллем, или, как называет их Экмечич, между двумя дьяволами. Он исследовал самые важные перемещения Тито в конце Второй мировой войны и среди них – поездку в Ватикан после встречи с Черчиллем в Неаполе. Документы не подтверждают, что он встречался там с папой Пием XII, но последовательность событий в конце войны, которую прослеживает Экмечич, наталкивает меня на мысль, что эта встреча была возможна.

Было ли случайностью, что после нее сначала был освобожден Триест, а лишь затем Загреб? Вопрос, обеспечила ли такая последовательность событий возможность массового бегства усташей из Хорватии по «крысиным тропам»? Академик Экмечич не забыл познакомить нас с правдой о том, что писатель Мирослав Крлежа, будучи большим поклонником Анте Старчевича, в 1945 году отказался от предложения Мачека бежать в Австрию. Вероятно, Старик, как Крлежа называл Тито, предоставил ему гарантии, чтобы он мог остаться. Как масон, Броз знал, как использовать Рузвельта и его шпиона, прибывшего в Белград в 1941 году, за несколько месяцев до мартовского переворота, который спровоцировал Гитлера на бомбардировки Югославии. Экмечич обнаружил, что цели для бомбардировок Сербии союзниками в 1944 году поступали из Верховного штаба, которым командовал товарищ Тито.

Экмечич понимал личную драму генерала Дражи Михаиловича, больше всех проигравшего в сербской национальной борьбе Второй мировой войны. Ему удалось донести до нас правду о том, что Дража был одним из сербских повстанцев, который не смог преодолеть то, что немецкий историк Ранке назвал средневековым синдромом сербского партикуляризма. Даже Карагеоргий, пишет Экмечич, не завершил Первое сербское восстание, поскольку после сражений не нашел способа решить вопрос с воеводами в Неготинской Краине и прочих княжествах, где местные лидеры отказывались

действовать в общих интересах. В отличие от Тито, который держал коммунистов на привязи, используя сладкую идею равенства и конспирации, Дража не контролировал движение четников. Рядом с ним не было молодых студентов, зараженных эросом коммунистического заговора, царившего в мире, не только в Сербии, после Великой депрессии в Америке и создания СССР. Как мог Дража рассчитывать на победу в войне, недоумевает Экмечич, когда он не сформулировал свою монархическую идеологию в литературных произведениях, не имел вокруг себя представителей элиты, не использовал шапирограф[2] как орудие пропаганды? Ему не хватало интеллектуальной элиты, без которой, утверждает Экмечич, не могло быть исторического успеха.

Ключевым элементом в злой судьбе Балкан и южнославянских народов Экмечич видит вмешательство великих держав. Не только Англии, чьи журналисты приезжали и привлекали на свою сторону князя Милоша Обреновича, богатейшего серба (как писал Вук Караджич). Князь Милош не отказался от коммуникации с англичанами и был в итоге изгнан из Сербии господарем Вучичем и российским императором, потому что не принял создание скупщины (парламента), которая должна была ослабить его авторитарный коммерческий дух. Экмечич отслеживал и перемещения английских эмиссаров, которые шныряли по Балканам, привлекали на свою сторону наших князей в конце XVIII и в

[2] Прибор для снятия многих копий с рукописи.

начале XIX века, а далее спешили в Среднюю Азию, чтобы настроить тамошних мусульман против российского императора.

Движение четников, как утверждает Экмечич, создало генерала Дражу, в отличие от Тито, создавшего коммунистическую сеть на территории распавшегося Королевства Югославия, деятельность которой в Коминтерне предшествовала возвышению Коммунистической партии Югославии. Без Экмечича синтетическая идеологическая картина начала сопротивления на территории Югославии осталась бы под завесой тайны. В принципе, восстание в Сербии в 1941 году после гитлеровских бомбардировок никоим образом не являлось коммунистическим ответом на немецкую оккупацию, а было реакцией сербов на массовые убийства, которые начали проводить усташи в отношении наших людей в Ясеноваце, Градине, Сараеве в июле 1941 года. Экмечич сообщает нам, что вымышленный герой Жикица Йованович «Шпанац» («Испанец») был незначительной фигурой в восстании. Выстрелила одна из винтовок, которые солдаты старой Югославии забрали домой после капитуляции, а когда прослышали о зверствах усташей, то стихийно поднялись на восстание. Дража, как честный солдат, не участвовал в игре между Черчиллем и Сталиным. Он верил королю, который в конце войны повелел сербам перейти в распоряжение Иосипа Броза. А когда в итоге Дража оказался в тюрьме, он доверился охраннику и сказал, что англичане – худшие люди в мире.

По мнению Экмечича, Броз разыгрывал карту между Черчиллем и Сталиным как член лондонской масонской ложи «Конкордия», а его универсализм полностью укладывался в идею Черчилля, чтобы территория Балкан стала санитарным поясом, защищающим Западную Европу от СССР и распространения коммунистической угрозы.

Экмечич вдохновенно писал об эволюции социальных систем на нашей национальной территории и различал наших князей по тому, кто из них был ближе к демократическим принципам. Таким образом, он представил нам правду о том, что действия Милоша Обреновича основывались на отказе от создания Совета (сената) – собрания политических магнатов, которые могли ограничить его меркантильный дух и эффективность его правления. Когда он вновь захотел раскритиковать Иосипа Броза за его диктаторский характер, то удивлялся, почему мы вовремя не превратили плановую экономику в рыночную, а контроль над благами оставили, подобно китайцам, партийному государству.

Автор этих строк не является поклонником либерального капитализма или фанатом идеи создания банковской империи, управляющей планетой в союзе с многонациональными компаниями, обеспечивающими военно-промышленный комплекс западных держав. Давно прошли те времена, когда с Запада к нам доносились голоса бунтующих вольнодумцев. Если мы сравним хотя бы одну строчку Лу Рида (Lou Reed) с тем, что поют новоиспеченные группы, первым делом мы

обнаружим, что слово «свобода» сегодня не употребляется. Вот почему я понимаю тех, кого сегодня называют диктаторами. Вспомним, как Америка стояла за латиноамериканскими диктаторами семидесятых, а теперь является противником того, что называют диктатурой, которая сегодня не что иное, как попытка защитить маленькие страны от прожорливого капитализма и великих держав.

Милорад Экмечич нечасто давал интервью СМИ, иногда мы читали его мнение в газете «Печат», мы не видели его на телевидении; скрытый за своими страницами, он оставил нам исторический труд, который, по крайней мере, должен быть обязательным для преподавания во всех школах. Не только для молодых историков, но и для всех тех, кто хочет создать образ мира и будущего нашего народа.

Было бы справедливо, если бы сразу после его смерти на одной из главных площадей Белграда засиял бронзовый бюст, так же, как при жизни сияли мысли Милорада Экмечича.

Эмир Кустурица

«Битва на Косовом поле». Художник А. Стефанович, 1875 г. Народный музей

Введение

Немного странное название этой книги позаимствовано у писателя Иво Андрича[3]: именно так он описал в 1919 году ход сербской истории – «долгий путь от убийства до пахоты». Возможно, у более прогрессивных народов, в языках которых нет такой выразительности и истинолюбия, как в сербском, эта фраза звучала бы как «долгий путь между мечом и оралом». В обоих случаях речь идет о предельно сжатом описании истории народа, жившего от войны до войны, а землю пахавшего ралом – деревянным плугом, не менявшимся на протяжении четырех веков. Из фразы Андрича можно вывести целую философию существования, роста и становления того, что осталось от сербской нации. История сербов, как и многих других народов, представляет собой постоянную мучительную борьбу за сохранение собственной идентичности.

При этом переход от Средних веков к Новому времени имел для сербов значение прямо противоположное приписываемому ему в более позднюю эпоху. Средневековье в сравнении с тем, что пришло ему на смену, – вовсе не тем-

[3] Иво Андрич (1892–1975) – югославский писатель («Мост на Дрине», «Травницкая хроника»), лауреат Нобелевской премии по литературе (1961). Фраза, по словам Милорада Экмечича, заимствована из «малоизвестной рецензии Андрича на сборник стихов».

ное, наоборот, конец этой исторической эпохи был переходом от света к мраку. До 1492 года[4] Сербия была органической частью тогдашней Европы. Но после завоевания турками она становится частью другого мира, где время движется медленно, а существующий порядок вещей кажется вечным и неподвластным изменениям. Столетие в истории Европы и в истории Турции – это совершенно не одни и те же сто лет. С приходом на Балканы исламской цивилизации было потеряно ощущение того, что ход истории представляет собой целесообразное движение по восходящей к некой удаленной цели. Ислам конечную цель поставил в начало, и поэтому изменения наступают только тогда, когда кризис общества и культуры такого типа достиг дна, а судьба слышит, как тикают часы, отмеряя время до наступления неизбежного краха. Неслучайно турецкий историк Ильбер Ортайлы[5] в монографии 1983 года назвал XIX век, век расставания с исламской цивилизацией, «самым длинным веком империи».

XVI век принес Европе крупные и судьбоносные изменения, которые обусловили возникновение будущих государств-наций. Главное изменение глобальных тенденций состояло в том, что центры государств и народов Европы смещаются с юга на север. Средиземноморье – это юг, и на всем

[4] Символическим началом новой исторической эпохи считается открытие Америки Христофором Колумбом 12 октября 1492 года.

[5] Ильбер Ортайлы (род. 1947) – турецкий историк крымскотатарского происхождения, автор многочисленных работ по истории Турции и России. Награжден медалью Пушкина (2007).

его пространстве, помимо морских путей, доминирует караванный транспорт. В сербской части Балканского полуострова караванные пути сохранялись до 1914 года, хотя в более поздние времена караваны выглядят экзотикой даже по сербским меркам. Весь юг Европы живописно отождествляется с изможденным человеком, в теле которого костей больше, чем плоти. Фернан Бродель[6] в труде о Средиземном море приводит воспоминания немецкого путешественника XVI века, свидетельствовавшего, что житель Турции потребляет в 12 раз меньше пищи, чем житель Фландрии. Основой английского процветания и первой волны индустриализации стала шерсть тонкорунной мериносовой овцы – породы, выведенной скрещиванием двух средиземноморских пород, испанской и североафриканской. Однако плоды этого дара достались в первую очередь европейскому северо-западу. Балканы же продолжают производить грубое домотканое сукно, известное также как раша (rassa, rascia, как называют его иностранцы)[7]. Оно остается главным компонентом одежды, во всяком случае мужской, на всех территориях расселения сербов как минимум до 1945 года. Когда

---

[6] Фернан Бродель (1902–1985) – французский историк и географ, представитель так называемой Школы «Анналов» (Ecole des Annales). Автор ссылается на четырехтомную работу «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II».

[7] Есть версия, «скорее всего неправильная», по мнению М. Экмечича, что в Центральной Европе это грубое сукно было известно как «сербская ткань» и именно от него пошло старое немецкое название сербов – рацы (raizen, ratzen).

рождаемость растет и людей становится больше, чем земля может прокормить, всегда происходит крах цивилизационного строя; однако этот же фактор обусловил начало эпохи великих переселений на богатые земли севера. С перенаселенных гор юга Европы должен постоянно происходить отток населения, которое не может существовать в нищете.

Но для сербского народа гораздо важнее другое изменение, связанное с турецким завоеванием. Речь идет о разрыве преемственности в развитии социальных, политических и культурных институтов Сербии, которые до османских завоеваний были подобны или идентичны западноевропейским. В феодализме европейского типа земля являлась частной собственностью феодалов, называвшихся в средневековой Сербии «властела», в Османской же империи большая часть земли принадлежала государству. В еще большей степени изменения коснулись балканских городов. Любой город зависит от периферии, ресурсы которой и обеспечивают непрерывность его развития. С переходом сербских золотых и серебряных рудников в османскую государственную собственность возникает невидимая линия разлома, вдоль которой начинается стагнация городов Средиземноморья. Турецкий город был четко разграничен по религиозному признаку. В 1583 году новый венецианский посол Паоло Контарини по дороге в османскую столицу записывает в дневнике, проезжая через город Плевля, что город разделен на две части: мусульмане обитают поблизости от источников питье-

вой воды, а православные христиане – на холмах. В мусульманских поселениях много мечетей. Тот же автор отмечает, что в городе Нови-Пазар на 6000 мусульман приходится 16 мечетей и все они поддерживаются в идеальном состоянии. Именно мечети сразу бросаются в глаза в турецком городе, а не мастерские и ветряные мельницы.

Петушиные бои были любимым развлечением янычарского войска в Сербии. «Петушиный бой». Художник П. Йованович, 1898 г. Народный музей

До турецкого завоевания Сербия двигалась по западноевропейскому пути развития. В частности, начался процесс замещения старой феодальной знати новой, торговой. Основой сербского благосостояния были серебро и другие редкие и драгоценные металлы. По данным 1422 года, из Боснии только через Дубровник вывозилось в год 5,67 тонны серебра. Рудники Сербии накануне османского завоевания давали 20–25 % всего серебра Западной и Центральной Европы.

Как отмечает сербский историк Момчило Спремич[8], при Джурадже Бранковиче в Сербии возникают раннекапиталистические элементы экономики. Появляются ценные бумаги, а вместе с ними и банковский капитал. Начинает внедряться организованный бухгалтерский учет, в частности практика двойной записи. Кредиты дают под проценты, но они не превышают 20 %. Наиболее активно развиваются города Белград, Смедерево, Приштина, Трепча, Рудник, Валево, Вишеград, Браничево, Приеполье, Плевля, Пирот, Ниш. Десанка Ковачевич-Койич[9] писала о городах средневековой Боснии[10].

Некоторые из них, как процветавший город Дриева, ис-

---

[8] *Спремић М.* Деспот Ђурађ Бранковић и његово доба. Београд: Службени гласник, 1994.

[9] Десанка Ковачевич-Койич (1925–2022) – выдающийся сербский историк-медиевист, ученица Ф. Броделя.

[10] *Ковачевић-Којић Д.* Градска насеља средњовјековне босанске државе. Сарајево: Веселин Маслеша, 1978.

чезли[11], но в 1372 году, согласно источникам, там обитало около 200 торговцев и предпринимателей из Дубровника. В Сребренице в 1434 году насчитывалось 500 торговцев из того же Дубровника. В этом же ряду боснийские города Високо, Фоча, Горажде, Яйце и другие. Крупным считался город с населением свыше 10 000, но это редкость. Городом средней величины считался город с населением около 2000 человек. Поселения городского типа, небольшие по всей вероятности, соответствовали понятию «бурга», Фернан Бродель рассматривает их как переходную форму от поселения сельского типа к городу. Сербия не была частью Европы, но она была на пути к Европе.

Серебряный динар Стефана Лазаревича. Исторический музей Сербии

[11] В 1448 году город был дотла сожжен турками.

Существенную роль в развитии сербского народа играл тот факт, что, помимо церкви как основного источника культуры, всегда существовала и культура светская. Ее наличие оказалось важным фактором в сохранении сербской идентичности. С некоторой натяжкой сербов можно отнести к тем народам, у которых светскую культуру формировали торговцы, во все исторические эпохи. Хорошо известна теория, часто ошибочно приписываемая Максу Веберу[12], согласно которой принятое протестантами теологическое допущение, что ссужать деньги под проценты дело богоугодное, обусловило стремительное развитие капитализма в протестантских странах. На самом деле эту теорию впервые выдвинул прусский историк Леопольд фон Ранке[13], а в Великобритании ее задолго до Макса Вебера развивал Томас Бабингтон Маколей[14]. Именно отталкиваясь от работ Маколея, Карл Маркс[15] сформулировал тезис о том, что современный капитализм создан духом протестантизма. Историки отме-

[12] Макс Вебер (1864–1920) – немецкий историк, философ, экономист, один из основоположников социологической науки.

[13] Леопольд фон Ранке (1795–1886) – прусский историк и придворный историограф.

[14] Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) – британский историк, литератор, государственный деятель.

[15] Карл Генрих Маркс (1818–1883) – немецкий философ, экономист, общественный деятель, автор «Манифеста коммунистической партии», первого тома «Капитала», других сочинений.

чают, что православные торговцы и менялы в Османской империи традиционно ссужали деньги под ставку в 8 %. Совершенно непонятно, откуда взялась такая цифра. Академик Сима Чиркович[16] установил, что в Средние века православные торговцы и менялы в Османской империи традиционно ссужали деньги под ставку в 8 %; вместе с тем, согласно одному из указов царя Стефана Душана, существовало правило, по которому монах, «дающий динары в рост, да извергнут будет из сана». А, например, в XII веке деньги давали в кредит под 8,33 %, причем эти доли отнюдь не случайны, такая процентная ставка пришла к нам из Римской империи через Византию. Невзирая на неясное происхождение, фиксированная ставка по кредиту была важным фактором стабильности в «темные века», вплоть до Нового времени.

Идентичная политическая структура этих городов имела в основании византийскую традицию. Во главе города находился кефал[17], называемый также по-славянски воеводой или кнезом. При кефале существовал совет, вече, в которое входили 12 наиболее уважаемых горожан, – это принцип, характерный для городских поселений и в Сербии, и в Боснии. В городской жизни прослеживается не только византийское, но и немецкое влияние, даже на уровне терминологии: портных в доосманской Сербии называют шнайдерами, сапожни-

[16] Сима Чиркович (1929–2009) – югославский историк-медиевист, академик Сербской академии наук и искусств (САНУ).

[17] От греч. κεφαλή, букв. «голова».

ков – шустерами. Тогда же в Сербии появляются и первые книгопечатни, за три века до Турции.

Жизнь ориентального города на Балканах отличалась богатством и роскошью. «Обряжение невесты». Художник П. Йованович, 1885/1886 г. Народный музей

В сельском хозяйстве аналогичная ситуация. Сложно установить точные данные производства сельхозпродукции в Западной Европе и на территории средневековой Сербии. Ф. Бродель утверждает, что в XV веке для пропитания одного человека требовалось два квинтала (центнера) зерна в

год. По подсчетам сербского историка Милоша Благоевича[18] выходит, что, несмотря на некоторое отставание у сербов, этот уровень все-таки был достижим. М. Благоевич, изучая данные по местностям вблизи Дубровника, Скопье и с острова Млет, пришел к выводу, что урожайность зерновых составляла 1: 4[19]. Различие состояло в меньшем использовании плуга и доминировании рала.

Разница между ними заключается в том, что рало имеет одну рукоять и при вспахивании разбрасывает землю во все стороны. Плуг же имеет две рукояти и не просто рыхлит почву, а переворачивает пласт земли, что обеспечивает значительно большую производительность. Характерно, что рало существовало двух типов – полозное и бесполозное. Два типа рала – с симметричным и односторонним лемехом – отделяют Сербию и Боснию от Хорватии и Болгарии. Благоевич указывает, что первое упоминание плуга произошло в 1401 году в Конавле[20], но большого распространения в сербских землях он так и не получил. На Западе же плуг начал вытеснять рало и соху за сто лет до этого. В Боснийской Краине рало продолжало использоваться до 1930-х годов, хотя 90 %

---

[18] *Благојевић М.* Земљорадња у средњовековној Србији. Београд: Историјски институт, 1973.

[19] «Сам-четыре» по традиционной для России терминологии.

[20] Плодородная равнина к югу от Дубровника, к которой относят иногда и полуостров Превлака на границе Хорватии и Черногории. В наши дни утратила принципиально важное для сельского хозяйства значение, поскольку там располагается дубровницкий аэропорт.

хозяйств перешли на плуг. Благоевич приходит к выводу, что, хотя землепашество на Балканах было менее развитым, чем в Западной Европе, серьезной разницы в уровне производства и потребления между ними не было. Реальное отставание возникает после османского завоевания, когда вся земля переходит в собственность государства. Тогда начинается преимущественное развитие скотоводства. В османские времена скотоводы платят меньше налогов и имеют бóльшую свободу передвижения. Целые горные области оказываются под более мягким управлением, чем равнинные.

Деревянное рало с одной рукояткой для упряжи из двух волов, которое использовалось сербами до XX века

Одно из принципиальных различий между историей сербского народа в Средние века и Новое время заключается в том, что новая эпоха принесла и новое понимание того, что такое сербский народ. Простых людей, составляющих наиболее многочисленную часть любой нации, не сильно заботил этот вопрос. Пока в XX веке не появился так называемый массовый национализм, простой народ не имел представле-

ния о том, что такое «народ» и «нация», собственно, потому что его никто и никогда об этом не спрашивал. Только с появлением идеи национального суверенитета и права граждан свободно выбирать своих представителей в парламент борьба за национальную идентичность становится явлением массовым.

Из этого не следует, что не было борьбы по вопросу о национальной идентичности и что отсутствовало представление о национальной принадлежности. Имеющие место в новейшее время попытки объявить нацию временным, преходящим явлением несут на себе отпечаток политической идеологии, согласно которой представление о собственной национальной идентичности подлежит пересмотру. Нация – понятие вечное, неизменное. Наука может только объяснить, как у сербов менялось и развивалось представление о ней. Между современностью и Античностью есть преемственность в понимании того, чем один народ отличается от другого. Геродот видит главными свойствами эллинов язык, веру в олимпийских богов и политические свободы. Римский поэт Вергилий употребляет слово gentes ровно в том же смысле, в котором мы употребляем слово «народы», констатируя, что различаются они одеждой, местом проживания и оружием[21]. Историк IV века Аммиан Марцеллин пишет, что народы отличают друг от друга «язык, обычаи и законы».

И до настоящего времени все попытки дать определе-

[21] «Variae linguis, habitatum vestis et armis» *(лат.)*.

ние понятию «национальная идентичность» исходили из этих трех свойств: язык, обычаи, политическая организация. Все попытки увязать национальную принадлежность с какими-то биологическими характеристиками типа расы закончились ничем. Сегодня доминирует теория, по которой нация – природное явление, а не искусственно созданное, и исходит эта теория из предпосылки, что естественность – в длительности процессов формирования особой идентичности[22]. Так, например, Бродель в последней своей работе, посвященной французской идентичности[23], утверждает, что естественность возникновения французской нации была обусловлена двумя факторами: миллиард человек, живших на землях франков с доисторических времен, и 2000 лет построения на этой территории аграрного общества. Органичность нации, таким образом, обусловлена не какой-то особенной кровью, а длительностью процесса формирования сознания о принадлежности к некой общности. Немецкий историк Рейнхард Венскус[24], рассуждая о начале формирования в раннем Средневековье племенной идентичности, выдвигает тезис о «микроэлементах традиции» обособленных групп[25]. Далее он пишет, что нация – это нечто особое

---

[22] *Braudel F.* L'identité de la France, в русском переводе: *Бродель Ф.* Что такое Франция? М.: Издательство имени Сабашниковых, 1994.

[23] Gentilismus *(нем.)*.

[24] Рейнхард Венскус (1916–2002) – немецкий историк-медиевист.

[25] Traditionskern *(нем.)*.

не из-за расовых отличительных свойств, а из-за сформировавшегося сознания особости. Исследователь полагает, что такое осознание особости могло сформироваться в течение длительного времени, не менее 300 лет, при численности населения не менее 100 000 в составе одного племени. Соплеменники должны были иметь общие традиции или религию и чувство единства, связывающее их между собой и отделяющее от других.

Политическое дробление традиционно больших народов на малые региональные государственные энтитеты[26] – это процесс, который в наше время получил распространение в интересах развитых западных держав. В пространстве культуры же это создало навязчивую политическую идеологию, состоящую в утверждении, что нации – это плод современного развития и искусственные категории. Всегда следует задаваться вопросом: если народы не являются естественным явлением, то может ли считаться естественным право человека на свободу? В основе современной демократии лежат принципы суверенитета нации и права человека на свободу и личную неприкосновенность. Только соблюдение обоих этих принципов может гарантировать человеку-индивиду свободу и безопасность, ощущение того, что свобода является его природным правом, причем это право не даровано

[26] В русский язык слово «энтитет» вошло в 1995 году, после подписания Дейтонских соглашений, и обозначает две составные части Боснии и Герцеговины – Республику Сербскую и Федерацию Боснии и Герцеговины (неофициально называемую Мусульмано-хорватская федерация).

кем-то извне – то, что дали, могут и отобрать, – а является частью нового типа государственности.

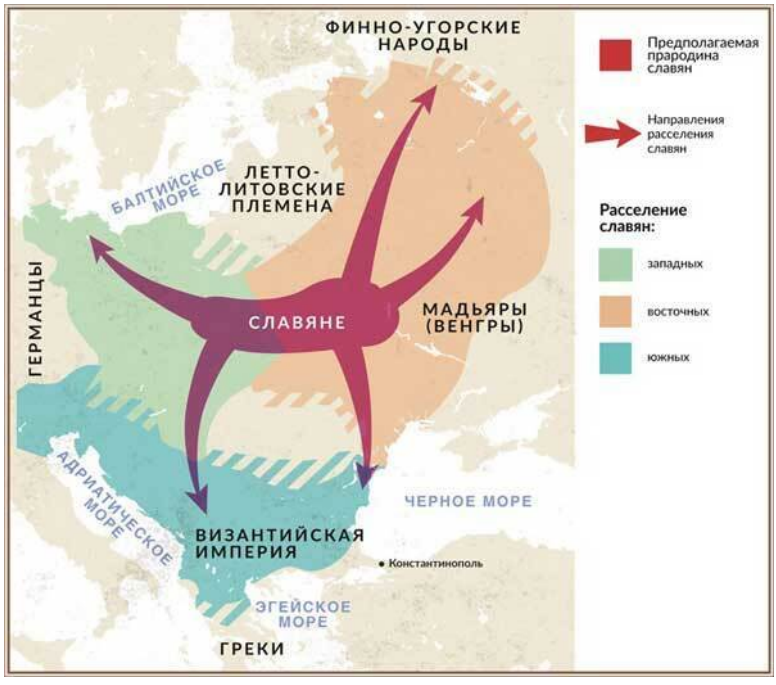
Любые рассуждения о национальной самобытности так или иначе обращаются к языку и особенностям функционирования политических институтов. Лингвистическая наука еще в XIX веке создала представление о трех ветвях, на которые некогда распался общий славянский язык (в понимании «народ»), – русской, польской и сербской. Историк Уолтер Пол пишет, что славяне как единая общность сложились примерно к V веку, одновременно с алеманами, саксонцами, англосаксами[27]. У других авторов можно прочитать о том, как проходила эта трансформация. Разделение славян на русскую, польскую и сербскую ветви предполагало наличие обширной территории, населенной этими народами.

С XVIII века европейская лингвистика считала, что все южные славяне, включая и болгар, проживали в этих сербских границах. Основой сербской языковой идентичности считался штокавский диалект, который некогда был распространен на территории от Западной Болгарии до Копера (Каподистрии) на полуострове Истрия. В X веке Константин Багрянородный проводит границу между землями сербов и хорватов по реке Цетине в Далмации, Имотским озерам, по реке Пливе в глубине материка. Другие средневековые авто-

[27] *Walter P.* The Formation of Ethnic Europe. Transforming Identities between Antiquity and the Middle Ages. // Annales. Histoire, Sciences Sociales. Volume 60. Issue 1. 2005.

ры полагали, что сербский народ во время Великого переселения народов расселился по большей части Далмации, под которой тогда понималась территория от адриатического побережья до реки Дравы на севере.

Различные факторы оказали влияние на то, что на этих землях не сложился единый сербский этнос. На первом месте – принадлежность к разным государствам. Территория проживания сербов в XV веке, до прихода турок, – это Босния, Сербия, целиком континентальная Далмация, Славония, позже часть Воеводины, Черногория, Косово и Метохия.

Расселение славян в раннем Средневековье

Историческое понятие «Старая Сербия» включает северо-восточную Македонию, сначала до Скадара, а затем и до Шар-Планины[28]. Сербские зоны Северной Албании захле-

[28] Скадар – в сербском языке название как Скадарского озера, так и албанского города Шкодер. Шар-Планина – горный массив, разделенный между Македонией, Косовом и Албанией.

стывала албанская экспансия. Константин Философ[29] пишет в «Житии Стефана Лазаревича», что деспот Стефан «владел сербскими землями от Далмации до Дакии». Это определение столь расплывчато, что единственный логически следующий из него вывод – четкую границу «сербских земель» современники Константина Философа вообще себе не представляли. Отметим, что Далмация в то время уже не область от Адриатики до реки Дравы, как при Константине Багрянородном, а узкая полоска морского побережья. Кроме того, в румынской Дакии сербский язык был распространен до середины XIX века. До этого времени половина слов в диалекте, на котором говорило население Валахии, была славянского происхождения.

[29] Константин Философ, он же Константин Костенички (1380–1431) – сербско-болгарский просветитель, историк и грамматик, автор главного источника по истории Сербии времен деспотата «Житие деспота Стефана Лазаревича».

Сербские земли в конце XIV–XV в.

Не только сербская национальная территория тогда не имела четких границ, это в принципе стандартная ситуация для Средневековья[30]. В частности, Подринье в Средние века еще воспринимается как единый регион, никто не делит его на Западную Сербию и Восточную Боснию. С границами Далмации происходит постоянная путаница. Например,

[30] Четко обозначенные национальные и государственные границы – детище Нового времени, Тридцатилетней войны и Вестфальского мира.

хорватский хронист XV века монах-бенедиктинец Людовик Цриевич-Туберон относит к Далмации и Боснию. Его земляк Винко Прибоевич в сочинении «О происхождении и славе славян»[31] полностью отказывается от старых границ областей, предлагая собственное, более точное территориальное деление. Далмация для него – территория, ограниченная Истрией на западе, Боснией и Хорватией на севере, Эпиром и Македонией на юге (с важной ремаркой: «Македонией когда-то называлась Болгария»). Иными словами, это только побережье от города Сень до Бока-Которского залива, со всеми островами. Прибоевич выделяет особые физические качества обитателей этого региона: «В основном они высокие, с вытянутыми лицами, светлокожие, с румяными щеками, с живыми подвижными глазами, причем радужки у них не однотонные (как, например, у германцев голубые или черные у эфиопов)». Прибоевич также отмечает, что некогда столицей всей этой области был город Дельминиум[32], что на всей этой территории вплоть до Унгарии (Венгрии) люди говорят на далматинском языке и пишут кириллицей. В принципе, перед нами первое описание типологических особенностей динарской расы, выделенной из большой европеоидной расы французскими антропологами в конце XIX века.

---

[31] *Priboevius V.* De origine successibusque Slavorum. 1532.

[32] Дельминиум, или Думно, – город, известный еще с античных времен, находился в районе нынешнего боснийского Томиславграда. Был дотла сожжен аварами в VII веке.

В сочинении «Комментарии к нашему времени»[33] Людовик Цриевич-Туберон придерживается устоявшегося понимания границ Далмации, для него это территория, ограниченная с юга Адриатикой, с севера – рекой Дравой, с востока – Македонией и с запада – рекой Рашей в центре Истрии. Он пишет, что Далмация «населена иллирийскими народами, часть которых угры называют хорватами, часть славонцами, а часть рашанами». Значительная часть Иллирика называется Рашкой. Сербы населяют большую часть Далмации. При этом имеются в виду районы сегодняшней Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Далмации, Хорватии, Славонии, а также половина Истрии, Косово и Метохия и части Воеводины. Людовик Цриевич-Туберон утверждает, что все население Далмации является одним народом, хотя и употребляет для обозначения жителей разные областные названия; он сожалеет, что этот народ оказался расколот на католиков и православных. О том, что Константин Философ относил к «стране сербов» все земли до адриатического побережья, свидетельствуют слова Туберона, что «ринулись на турок кочевники-иллиры, которых в народе называют влахами, а живут они в горах, отделяющих далматинцев от сербов».

Описанные выше территории никогда не были политически едины, здесь сосуществовали абсолютно различные типы хозяйствования и производственных отношений. А еди-

[33] *Cerva Tubero L.* Commentaria suorum temporum. 1603.

нообразие производственных отношений, по Броделю, является обязательной составляющей естественной, органической нации. Для него французская национальная идентичность основана на сельском хозяйстве, которое было базой экономики и стержнем социальной организации на территории современной Франции с доисторических времен до 1975 года. Франция перестала быть аграрным обществом относительно недавно, а на Балканах процесс перехода от аграрного общества к индустриальному не завершился до сих пор. С другой стороны, общебалканская модель землепользования возникла очень поздно, когда в регион все-таки проник колесный плуг. До этого в Сербии и Боснии использовалось рало одного типа, а в Болгарии и Хорватии – другого. Причем даже во времена до османского ига на огромной территории от Албании до Северной Италии скотоводство преобладало над земледелием. Кочевников, вместе со своим скотом мигрировавших в поисках пастбищ, на Балканах традиционно называли влахами, причем иногда это обозначение национальности, а иногда – рода занятий. В 1879 году в одной из полемических работ о «сербо-хорватстве» Яков Грубкович[34] писал, что словом «влахи» называют сербов, так же как население адриатических островов называют бодулами.

[34] Яков Грубкович (1833–1911) – францисканский монах, плодовитый публицист, сторонник идеи единого «сербскохорватского» народа, защитник кириллицы, пропагандист сербской культуры в Австро-Венгрии.

Высокий и статный, митрополит Черногорский и Бердский Петр II Петрович-Негош (1813–1851) считался этало-

ном мужской красоты и благообразия среди владык сербских земель. *Гравюра А. Йовановича, 1852 г. Народный музей*

Пытаться проследить южные границы сербского народа на протяжении истории – задача крайне тяжелая и неблагодарная. Историография этого предмета проникнута духом идеологической нетерпимости. Редкое исключение – датский лингвист Гуннар Сване[35], который в работе 1992 года опирается не только на широкий круг письменных источников, но и на результаты собственных экспедиций в Албанию и соседние страны, причем он равно хорошо владеет языками всех народов региона. Сване видит Албанию как своего рода естественную крепость, защищенную от внешнего мира горными массивами (Проклетие с севера, Кораб с запада, Грамос с юга). Албанцы жили здесь с глубокой древности, но их язык и культура постепенно менялись под влиянием трех волн завоеваний. В III веке до Рождества Христова появляются римляне, которые оставляют после себя латинский язык, сеть дорог, зачатки социальной организации. Вторая волна – славяне, проникновение которых на Балканы началось в V веке. Сербы осваивали внутренние районы Балкан, двигаясь вдоль рек Морава и Вардар, остатки сербских поселений и следы их языкового влияния мы встречаем вплоть до греческого Пелопоннеса. В XIV веке на Балканах наступает эпоха османов, расселяется новый этнос, внедряются но-

[35] Гуннар Сване (1927–2012) – датский лингвист и историк науки.

вые религиозные представления и современные социальные институты. Следы влияния славянских языков Гуннар Сване находит по всей территории расселения албанцев. Присутствие сербов было хорошо заметно в Северной Албании до конца XVIII века, район между реками Черный и Белый Дрин был практически гомогенно сербским, много сербских поселений находилось вдоль реки Мати, вокруг города Лежа, отдельные анклавы сербов имелись и на юге, вплоть до Влёры (Валоны) – Slavenland, по-албански Shqueri. Многие источники, например венецианский кадастр 1419 года, свидетельствуют, что множество сел вокруг Скадара было населено сербами. Сване подтверждает, что в 1992 году на улицах Скадара он видел большое количество сербских крестьян, отличающихся от албанцев и одеждой, и говором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.